

Русский язык

УДК 81'42

Ахренова Н.А.

МЕТАФОРА В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ*

Аннотация. В статье прослеживается эволюция учения о метафоре от Аристотеля до наших дней, делается особый акцент на концептуальную метафору, которая на сегодняшний день по праву считается одним из наиболее активно употребляемых видов тропов и помогает человеку более быстро адаптироваться в современном динамично развивающемся языковом пространстве.

Ключевые слова: когнитивная метафора, структурная метафора, онтологическая метафора, метафора «канал связи/передачи информации», ориентационная метафора, метафора «контейнер», метафора «конструирования».

Технический прогресс освобождает человека от тяжелого физического труда предъявляет чрезмерные требования к его когнитивным возможностям и способностям. Человеку приходится постоянно осваивать новые виды деятельности, воспринимать и постигать новые явления и операции. По словам Роберта Стетсона Шоу, *“You don't see something until you have the right metaphor to let you perceive it”*, что можно интерпретировать следующим образом: осознанию недоступных и незнакомых понятий способствует метафора.

Истоки исследовательского интереса к метафоре связывают с именем Аристотеля. В своей «Поэтике» Аристотель впервые определяет метафору как «приложение к одной вещи имени, принадлежащего другой». Согласно Аристотелю, «можно приложить имя или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [Аристотель, 1983, с. 657]. Теория метафоры Аристотеля базируется на устойчивой семантике слова. Он рассматривает метафору вне ее окружения, как отдельно взятое слово вне микро- и макроконтекста. Именно этот факт является объектом критики, так как нельзя понять значения языкового выражения, не поняв всего контекста. Именно от определения метафоры

Аристотеля идёт традиция субститутивного подхода к анализу метафоры или теории метафоры как замещения, который основывается на том, что любое метафорическое выражение используется вместо эквивалентного буквального выражения и может быть им вполне заменено.

Субститутивная теория большей своей частью послужила основанием для распространённой сравнительной теории к анализу метафоры, зачатки которой можно найти ещё в «Риторике» Аристотеля. Сравнительная точка зрения на метафору – теория, по которой в основе метафоры лежит демонстрация сходства или аналогии. Аристотелю свойственно широкое понимание метафоры как эллиптического или сжатого сравнения. Для Аристотеля «очевидно, что все удачно употребленные метафоры будут в то же время и сравнениями, а сравнения, [наоборот, будут] метафорами, раз отсутствует слово сравнения [«как»]» [Аристотель, 1978, с. 173]. Аналогичную точку зрения выражает Деметрий, который считает сравнение «по существу, развернутой метафорой», а также Квинтилиан и Цицерон.

Выделяя функции метафоры, Аристотель прежде всего подчёркивает, что метафора – это простое орнаментальное средство, значимость которого – делать речь более вычурной, привлекательной и выразительной. Аристотель считал, что метафора свойственна поэтической речи. Вслед за Аристотелем многие древние авторы считали метафору принадлежностью поэтической речи, которая несвойственна речи повседневной, обычной коммуникации. Взгляд на метафору античных философов в рамках риторики удачно сформулировал А. Ричардс: «На протяжении истории риторики метафора рассматривалась как нечто вроде удачной уловки, основанной на гибкости слов, как нечто уместное лишь в некоторых случаях и требующее особого искусства и осторожности. Короче говоря, к метафоре относились как к украшению и безделушке, как к некоторому дополнительному

* © Ахренова Н.А.

механизму языка, но не как к его основной форме» [Ричардс А., 1990, с. 45].

Второй функцией метафоры Аристотель считает заполнение лексических лакун в языке, т. е. метафора – это средство обозначения того, чему ещё не дано название. Но тогда она уже перестает функционировать как метафора, а является катахрезой.

Несмотря на то, что Аристотель рассматривает метафору прежде всего как атрибут ораторского и поэтического искусств, он в «Риторике» указывает на познавательную ценность метафоры, т. е. её третью функцию – когнитивную, эвристическую, что возвышает метафору над уровнем простого сравнения, к которому её обычно относит Аристотель в своей «Поэтике»: «метафоры нужно заимствовать ... из области предметов сходных, но не явно сходных, подобно тому как и в философии считается свойством меткого [ума] видеть сходство и в вещах, далеко отстоящих одни от других»; «приятны хорошо составленные загадки: [они сообщают некоторое] знание, и в них употребляется метафора» [Аристотель, 1983, с. 675].

Дж. Вико был одним из первых, кто отметил, что на заре цивилизации и формирования языка первобытный человек мог изъясняться только с помощью поэтических выражений. Вико считал, что все слова с переносным значением могут быть разделены на четыре части: метафора, метонимия, синекдоха и остальные, образующие раздел «прочие». Язык метафорических образов представляет собой первичный языковой код, а метафора выступает как инструмент первичной когнитивной функции сознания, определяющий так называемое рациональное мышление и формирование концептуальных представлений. Особенность метафорических словоупотреблений первобытного человека заключалась в том, что процесс их формирования базировался на абсолютной тождественности семантических значений. Согласно Вико, при таком отождествлении не могло существовать различия между составляющими основу метафорического переноса главным и вспомогательным субъектами, при наименовании они использовались как равноправные языковые единицы.

В дальнейшем, по мере формирования абстрактного мышления, стали развиваться метонимия, синекдоха и ирония. Только с появлением последней, по мнению Вико, стала осознаваться разница между реальным положением дел в действительности и субъективным его отражением на уровне со-

знания, определилось разграничение между конкретным и метафорическим субъектами, намечилось представление о существовании различий между объектами.

Ф. Ницше также провозглашал когнитивное значение метафоры. Он считал, что познание в принципе метафорично, имеет эстетическую природу и не оперирует понятием верифицируемости. «Нет никакого «реального» выражения или «реального» знания без применения метафоры, но и тут еще остаются иллюзии [...] Знание – это не что иное, как работа с любимыми метафорами, подражание, которое не должно считаться больше подражанием» [Ницше Ф., 1990, с. 319]. Ф. Ницше рисует картину того, как язык создает постоянный поток концептуальных договоренностей, через которые в язык проникают новые метафоры. Они постепенно становятся общепринятыми, затем постепенно достигают пределов общепринятости. В этом процессе старые метафоры образуют рамки, внутри которых могут рождаться новые метафоры.

Начало современным когнитивным дискуссиям положили исследования Э. Кассирера, немецкого философа, о символических формах в человеческой культуре. В небольшой книге «Язык и миф» Кассирер в сжатой форме изложил основные положения своей концепции, подытожил свои воззрения в разделе «Сила метафоры». Кассирер обращается к этапу дологического мышления, отложившегося в языке, мифологии, искусстве, религии. В языке выражены как логические, так и древнейшие, мифологические формы мышления. Рефлексы мифологических представлений о мире Кассирер искал и находил в метафоре. Он указывал на эвристические возможности метафоры, на её моделирующую роль: метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нём. Особая роль в этом принадлежит ключевым (базисным) метафорам, задающим аналогии и ассоциации между разными системами понятий и порождающими более частные метафоры.

Кассирер различал два вида ментальной деятельности: метафорическое (мифо-поэтическое) и дискурсивно-логическое мышление. Дискурсивно-логический путь к концепту состоит в ряде постепенных переходов от частного случая к более широким классам, то есть «речь идет о концентрическом расширении круга» [Кассирер Э., 1990, с. 37]. Приняв в качестве отправной точки какое-либо эмпирическое свойство предмета, мысль пробегает по всей области бытия (отсюда термин «дис-

курсивное мышление»), пока искомый концепт не достигнет определённости. Это путь формирования понятий и законов естественных наук. Их цель – превратить «рапсодию ощущений» в свод законов.

В противоположность дискурсивному мышлению метафорическое «освоение мира» (т. е. мифологическое и языковое, Кассирер рассматривает их совместно) имеет обратную направленность: оно сводит концепт в точку, единый фокус, «представление не расширяется, а спрессовывается, сводится в одну точку» [Кассирер Э., 1990, с. 37]. Кассирер писал, что, «как бы ни различались по содержанию миф и язык, им обоим, оказывается свойственна одна и та же концептуальная форма. Эту форму можно кратко обозначить как метафорическое мышление: мы должны исходить из сущности и смысла метафоры, если хотим понять, с одной стороны, единство и, с другой стороны, различие мифологического и языкового мира» [Кассирер Э., 1990, с. 33].

Испанский философ Х. Ортега-и-Гассет в своей работе «Две великие метафоры» рассматривает метафору как необходимое орудие мышления, форму научной мысли. Он определяет метафору как перенос названия, при котором мы отдаем себе отчет в том, что название используется не по его прямому значению.

Ортега-и-Гассет выделяет две функции метафоры: первая – наименование, вторая – орудие мышления. Мы бы употребляли слова в их прямом значении, если бы все объекты были легко доступны для нашего мышления. Однако некоторые интересующие нас психические объекты не только трудно назвать, о них трудно даже помыслить. Они ускользают от нас; мысль не может их уловить. В этом случае, как утверждает Ортега-и-Гассет, мы начинаем замечать, что метафора служит не только наименованию, но и мышлению.

Вторая – более глубокая и существенная – функция метафоры играет важную роль в познании. Метафора нужна не только для того, чтобы, благодаря полученному наименованию, сделать нашу мысль доступной для других людей; она необходима нам самим для того, чтобы объект стал доступен нашей мысли.

Ортега-и-Гассет подчёркивает, что метафора позволяет нам обособить труднодоступные для мысли абстрактные объекты и придать им самостоятельность, т. е. метафора – это практически единственный способ уловить и содержательно определить объекты высокой степени абстракции [Ортега-и-

Гассет Х., 1990, с. 54].

Огромный вклад в понимание метафоры как когнитивного процесса внес М. Блэк своей теорией интеракции или теорией взаимодействия, в которой метафора начинает рассматриваться как слово в контексте, а не на словесном уровне как в субституционной и сравнительной теории. Именно М. Блэк ввел понятие «когнитивная метафора» (*cognitive metaphor*), отнеся к этому разряду метафоры, роль которых не сводится к орнаментальной и экспрессивной.

Интеракционистский подход к анализу метафоры Блэка необходимо начать рассматривать с идей А. Ричардса, ведь именно от них отталкивается Блэк, разрабатывая свою теорию. Ричардс был одним из первых, кто в своей работе «Философия риторики» начал рассматривать метафору как результат взаимодействия мыслей и смены контекста. Метафорична сама мысль, она развивается через сравнение, и отсюда возникают метафоры в языке» [Ричардс А., 1990, с. 47].

Ричардс опирается на романтическую традицию, идущую от Вико и Гердера, на представления Шелли и Кольриджа о метафорической основе языка, о его погруженности в культуру. По мысли Ричардса, метафора является «вездесущим принципом языка», неустранимым его инструментом, который действует не на уровне комбинации слов и значений, а гораздо глубже, затрагивая концептуальные структуры, порождающие язык. Ричардс отмечает, что «метафорические процессы в языке, взаимообмен между значениями слов, который мы наблюдаем, изучая эксплицитные метафоры, накладываются на воспринимаемый нами мир, сам по себе также являющийся продуктом более ранней или непредумышленной метафоры» [Ричардс А., 1990, с. 49]. Эта идея нашла своё всестороннее обоснование в работах Дж. Лаккоффа и М. Джонсона в 80-е годы.

Ричардс ввёл термины, позволяющие описать сущность метафоры, и предложил теорию, как они функционируют. Он выделил два рабочих термина для различения в структуре метафоры двух компонентов, которые выделены даже в самой простой метафоре. Один из них он называет «содержанием» (“*tenor*”), а другой – «оболочкой» (“*vehicle*”). «Содержание» – это идея, относительно которой строится метафора, «оболочка» – идея, выражающая это содержание, «то, с чем сравнивается». Значение метафоры (которое не тождественно «содержанию»), по Ричардсу, есть результат взаимодействия «оболоч-

ки» и «содержания». Кроме того, «оболочка» не является, как правило, просто украшением «содержания», которое остаётся неизменным: оболочка и содержание дают в своём взаимодействии значение более богатое, чем каждый из этих компонентов, взятый в отдельности [Ричардс А., 1990, с. 51].

Отталкиваясь от идей Ричардса, М. Блэк развивает концепцию метафоры как взаимодействия, которую он впервые представил в статье «Метафора» и позже дополнил её в статье «Ещё о метафоре», но в его модели метафора есть результат интеракции субъектов, а не мыслей. М. Блэк подвергает критике субституционный подход к анализу метафоры, частным случаем которого он считает сравнительный подход. В рамках интеракционистской теории утверждается, что метафора не является лишь замещением сравнения или любого другого буквального выражения, она не столько обнаруживает, сколько создает сходство.

М. Блэк объясняет процесс метафоризации с помощью разработанной им модели «фокус-рамка» (“focus-frame”): *The chairman plowed through the discussion*. Данная метафора состоит из фокуса (лексема *plowed*), собственно метафорической структуры, и рамки (остальной части предложения, включающего в себя метафору в качестве составного элемента), которые взаимодействуют друг с другом. Фокус реагирует на рамку с помощью непривычного значения, в результате чего возникает метафора. М. Блэк совершенно четко различает лексическое и текстовое значение, так как первое больше не является исходной точкой для интерпретации метафорического выражения. Текстовое же значение метафоры, хотя и вытекает из лексического значения контекста и метафорически употребленного выражения, но это даже не простое расширение значения, а нечто качественно новое. Модель метафоры «фокус-рамка» показывает метафору как семантический феномен, но при идентификации и интерпретации метафоры М. Блэк указывает на важные прагматические компоненты – намерение говорящего, данная ситуация и т. д.

В работе Блэка введённые в обращение Ричардсом понятия «оболочки» метафоры (“vehicle”) и её «содержания» (“tenor”) получили дальнейшую интерпретацию. Вслед за Ричардсом Блэк выделяет в структуре метафоры два субъекта: буквальный главный субъект (“principal subject”) и метафорический вспомогательный субъект (“subsidiary subject”), которые он рассматривает

как цельные системы. У Блэка как основной, так и вспомогательный субъекты имеют свои концептуальные системы связанных с ними общепринятых ассоциаций или ассоциируемых импликаций (“a system of associated commonplaces”). Ричардс не уточнил рамки значения термина «оболочка»: к чему именно относится этот термин – к собственно метафорическому образу или к системе характеризующих его метафорических значений. Как стало видно, Блэк для прояснения этого вопроса вводит два понятия: вспомогательного субъекта для презентации метафорического образа и систему связанных с ним общепринятых ассоциаций или ассоциируемых импликаций в качестве предикативной составляющей его метафорического значения.

У Блэка метафора перешагнула через уровень слов и перешла к связанной с ними совокупности общепринятых знаний и представлений. Метафора представляет собой взаимодействие двух концептуальных систем в целях применения к главному субъекту системы ассоциируемых импликаций, т. е. общепринятых ассоциаций, связанных со вспомогательным субъектом, или в некоторых случаях нестандартные импликации, установленные автором *ad hoc*. Главный субъект как бы просматривается через «фильтр» импликаций вспомогательного субъекта таким образом, что вспомогательный субъект «отбирает, выделяет, скрывает и организует характерные черты главного субъекта», в результате образуется новое, не сводимое к сумме компонентов значение. (Фокусировка черт, релевантных для метафорического синтеза, создаётся рамкой контекста). Тем самым природой метафоры Блэк считает взаимодействие семантических пространств, относящихся к двум различным объектам [Блэк М., 1990, с. 156].

К заслуге М. Блэка можно отнести анализ языковой метафоры в рамках мыслительной деятельности, осознание и несводимость ее содержания к имеющимся в языке буквальным средствам номинации, а также рассмотрение метафоры как динамического явления, которое, формируясь в движении мысли, развивает концептуальный аппарат языка. Теория Блэка оказала мощное влияние на дальнейшие исследования метафоры в рамках интеракционистского направления (М. Хессе, М. Арбиб, Е. Китти, Е.К. Уэй, С.С. Гусев и др.), позволившие выявить философско-гносеологическую роль метафоры в научном мышлении. Блэка можно считать зачинателем когнитивной или концептуальной

теории метафоры.

В теории когнитивной метафоры концептуальная метафора рассматривается как один из способов концептуализации (организации и обобщения человеческого опыта), позволяющий осмыслить один объект через другой и в этом смысле является одним из способов репрезентации знания в языковой форме. Метафора обычно относится не к отдельным изолированным объектам, а к сложным мыслительным пространствам (областям чувственного или социального опыта). В процессах познания эти сложные непосредственно ненаблюдаемые мыслительные пространства соотносятся через метафору с более простыми или с конкретно наблюдаемыми мыслительными пространствами (например, человеческие эмоции сравниваются с огнём, сферы экономики и политики – с играми, спортивными соревнованиями и т. д.). В подобных метафорических представлениях происходит перенос концептуализации наблюдаемого мыслительного пространства на непосредственно ненаблюдаемое, которое в этом процессе концептуализируется и включается в общую концептуальную систему данной языковой общности. При этом одно и то же мыслительное пространство может быть представлено посредством одной или нескольких концептуальных метафор [Кубрякова Е.С., 1996, с. 55].

Большинство направлений изучения метафоры в американском, западноевропейском и отечественном языкознании опираются на теорию концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, лингвистические изыскания которых подтвердили интуиции философов романтической традиции А. Гумбольдта, Ф.Д.Э. Шлейермахера, Ф. Ницше и др. о метафорической основе естественного языка.

Дж. Лакофф и М. Джонсон в своей работе «Метафоры, которыми мы живем» (1980) показали, что метафоры пронизывают не только язык, но и мышление, являясь его неотъемлемыми свойствами, атрибутами. Метафора выступает важнейшим инструментом категоризации мира в целом и отдельных предметных областей, структурирования восприятия и чувственного опыта. Благодаря метафоре мы можем свести абстрактные понятия к нашему физическому, чувственному опыту в его связи с внешним миром, то есть понятийная система метафорична по своей сути. Метафорическое понятие является посредником между репрезентацией мира в понятиях и нашим сенсорным опытом. Отме-

чается, что человеческий опыт (пространственный, эмоциональный, ментальный, социальный, культурный) различен у представителей разных культур, следовательно, различны репертуары концептуальных метафор и различается лежащий в их основе когнитивный процесс. Индивидуальные различия представителей одной и той же культуры также оказывают влияние на создание и восприятие метафор.

В рамках теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» (source domain) и когнитивной структуры «цели» (target domain). В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит «метафорическая проекция» (metaphorical mapping) или когнитивное «отображение» (cognitive mapping).

По сравнению с областью-мишенью, область-источник обычно интуитивно понятнее, конкретнее, известна через непосредственный физический опыт, известна более детально, легче передаётся одним человеком другому (легче указывать на окружающие физические предметы, чем на абстрактные сущности). Например, абстрактное понятие «спор» осознаётся через конкретное понятие «война», где все действия, ранения, победы и поражения можно ощущать реально. Понятие и деятельность упорядочиваются метафорически, следовательно, и язык упорядочивается метафорически. Таким образом, согласно теории концептуальной метафоры, метафора не ограничивается только сферой языка. Метафора по природе – не языковое, а концептуальное явление. Метафоры заложены в самой понятийной системе мышления человека и представляют собой особого рода схемы, по которым человек думает и действует.

Области, связанные с метафорой, асимметричны, неравны. Метафора «любовь – это путешествие» распространена в ряде культур, а «путешествие – это любовь» не встречается, поскольку физические события не понимаются через абстрактные.

Метафоры сосредотачивают внимание на избранных аспектах сравнения. Например, метафора «время – деньги», характерная для американской культуры, сосредотачивается на функции денег, а не на размере купюр или материале, из которого она сделана. Метафоры функционируют на разных уровнях конкретности, некоторые на высшем, более

общем уровне, а другие на более конкретном. «Любовь – это путешествие» более конкретный вариант общей метафоры «Событие – это перемена местонахождения».

Метафоры высокого уровня пользуются большей универсальностью, проявляются в разных языках и культурах, а метафоры более низкого уровня – культурно специфические. Метафору «любовь – это путешествие» можно найти в разных культурах и языках, но метафора «любовь – это игра в бейсбол» характерна для США [Ченки А., 2002, с. 352].

Один из центральных тезисов в когнитивной теории метафоры – принцип инвариантности. Согласно этому принципу, метафорический перенос не произволен: существует некое содержание, инвариантно присутствующее в областях источника и цели, которое составляет основание переноса. Важно, что семантическое сходство существует не только между отдельными понятиями этих двух областей, но и между отношениями понятий. Это инвариантное содержание представляется как образ-схема (повторяющийся динамический образец наших процессов восприятия и наших моторных программ, который придаёт связанность и структуру нашему опыту), присущая как одной, так и другой области.

Дж. Лакофф и М. Джонсон различают следующие основные типы метафор, задающие аналогии и ассоциации между разными системами понятий и порождающие частные:

1. Структурные (structural) метафоры концептуализируют отдельные области путем переноса на них структуризации другой области. Другими словами, в структурной метафоре один концепт структурируется через призму другого. Метафора понимается как перенос из области-источника в область-цель.

Область-источник Область-цель
ARGUMENT переносится на WAR

2. Онтологические (ontological) метафоры категоризируют абстрактные сущности путем очерчивания их границ в пространстве. Мы используем онтологическую метафору для постижения событий, действий, занятий и состояний. События и действия метафорически осмысливаются как объекты, занятия – как вещества, состояния – как вместилища. Суть вместилища – это граница, отделяющая внутренность от внешней среды. Обычно вместилище защищает свое содержимое от внешнего мира. Это понятие определяет базовое различие между «в» и «из». Человек постоянно находится в определенном

пространстве – он входит в здания, машины и другие помещения и выходит из них. По аналогии с этими помещениями мы воспринимаем чувства, эмоции, состояния: можно упасть в обморок, быть в бессознательном состоянии, в одиночестве, прийти в себя и т. д. Это движение и местонахождение – метафорические.

3. Метафора «канал связи/передача информации» (conduit metaphor) представляет процесс коммуникации как движение смыслов, «наполняющих» языковые выражения (вместилища), по «каналу», связывающему говорящего и слушающего. Языковые выражения представляют собой контейнеры, в которые в процессе коммуникации помещается информация, представленная в виде мыслей, суждений.

4. Ориентационные (orientational) метафоры структурируют несколько областей и задают общую для них систему концептуализации; они в основном связаны с ориентацией в пространстве, с противопоставлениями типа «вверх – вниз», «внутри – снаружи», «глубокий – мелкий», «центральный – периферийный» и др. Так, в английском языке «счастье, здоровье, сознательное, рациональное» описывается через метафору «наверху», «сверху», «вверх» (up), тогда как «несчастье, болезнь, смерть» – через метафору «внизу», «вниз» (down).

5. Метафора «контейнер» (container metaphor) представляет смыслы как «наполнения контейнеров» – конкретных языковых единиц. Лакофф, Джонсон выделяют здесь три подтипа: метафоры, связанные с движением: “to be in the clearing” – “to be out of clearing”; метафоры визуального поля: “coming into view”; метафоры действий, событий, различных видов деятельности: “I put a lot of energy into washing the windows.” Из примеров следует, что конкретные языковые единицы обозначают абстрактные сущности.

6. Метафора «конструирование» (block-building metaphor) представляет смысл крупных речевых произведений как «конструкцию» из более мелких смыслов [Кубрякова Е.С., 1996, с. 56].

Таким образом, мы видим, что в когнитивной классификации метафоры важнейшую роль играют психологические концепты, основанные на нашем опыте. Классификация, представленная в рамках когнитивного подхода, основывается на психологических категориях, она является семантической по своей сути.

Выдающийся лингвист Н.Д. Арутю-

нова указывает, что когнитивные метафоры возникают в любых видах дискурса и разных функциональных стилях, что связано, прежде всего, с особенностями сенсорных механизмов и их взаимодействием с психикой, позволяющим человеку сопоставлять, казалось бы, несопоставимые понятия [Арутюнова Н.Д., 1990, с. 17].

Таким образом, мы видим, что метафоры помогают нам в «оязыковлении» новых понятий и явлений; позволяют лучше представить и освоить новшества, которые стремительно и постоянно входят в нашу жизнь, становясь ее неотъемлемой частью. Как показывает проведенный обзор, именно когнитивная метафора является ключевой для формирования языковой картины мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аристотель. Риторика (Книга III) / Аристотель // Аристотель и античная литература. – М., 1978. – 256 с.
2. Аристотель. Собр. соч. В 4 т. Т. 4. Поэтика / Аристотель; пер. М. Л. Гаспарова. – М., 1983. – 263 с.
3. Арутюнова Н.Д. Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры // Филологические исследования. Памяти академика Г.В. Степанова. – М.; Л., 1990. – С. 71–88.

4. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 153–172.
5. Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 33–43.
6. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова [и др.]. – М., 1996. – 245 с.
7. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. – М., 1990. – 415 с.
8. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 68–81.
9. Ричардс А. А. Философия риторики // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 44–66.
10. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. – М., 2002. – С. 340–366.

N. Akhrenova
COGNITIVE METAPHOR

Abstract. The article is devoted to the retrospective study of metaphor and the cognitive metaphor which is of special interest for the author and modern society. We believe that this type of metaphor helps us to accommodate to the dynamic language changes in the modern world.

Key words: cognitive metaphor, block-building metaphor, orientational metaphor, container metaphor, conduit metaphor, ontological metaphor, structural metaphor.

УДК 81'366:[811.161.1+811.112.2]

Гашкова М.Г.

К ВОПРОСУ О ГЛАГОЛЬНОЙ ЭКСПРЕССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)*

Аннотация. Категория экспрессивности и категория способов действия относятся к одним из сложнейших языковых категорий. Изучению лексики на стыке этих двух явлений посвящено исследование. В статье затронуты проблемы экспрессивности способов глагольного действия (грамматический и лексический уровни) на материале двух языков – русского и немецкого. Автор уделяет внимание переводу глаголов начинательного и смягчительного способов действия на немецкий язык. В статье рассматриваются морфологические и лексические способы образования названных глаголов.

Ключевые слова: экспрессивность, способы действия, немецкий язык, перевод.

Анализ способов действия представляет большой интерес для грамматической

* © Гашкова М.Г.

стилистики, поскольку различные группы глаголов, объединенных по способу действия, аккумулируют в себе особую изобразительную энергию. Разнообразные оттенки видовых значений и стилистической окраски у глаголов разных способов действия определяются, как правило, особенностями их словообразования.

1. Начинательный способ действия.

А.В. Бондарко выделяет три возможности образования глаголов начинательного способа действия в русском языке с помощью приставок. Большинство русских начинательных глаголов имеют приставку *за-* (*заблестеть, завывать, заволноваться* и т. д.). Начинательные глаголы с приставкой *по-* образуются от однонаправленных глаголов движения и других глаголов со значением передвижения в пространстве (*побежать, поплыть, помчаться* и т. д.). Начинательные